

ИЗОБИЛИЕ И АСКЕЗА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СТОЛКНОВЕНИЯ, ПЕРЕХОДЫ, СОВПАДЕНИЯ

Сборник статей

МОСКВА
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
2020

Ульрих Шмид

ЖИЗНЕННАЯ АСКЕЗА
И СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ИЗОБИЛИЕ:
«ЛАВР» ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА

В современной русской литературе некоторые авторы четко ассоциируются с определенной темой: так, например, у В. Сорокина это тело, у З. Прилепина — насилие, а у Е. Водолазкина — время.

Но Водолазкин не только писатель, он и филолог, медиевист, специалист по древнерусской литературе. После защиты кандидатской диссертации он работал в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома, который возглавлял в то время академик Д. С. Лихачев. К 2000 году Водолазкин написал докторскую диссертацию на тему «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков)». Он до сих пор является научным сотрудником Пушкинского Дома, с 2012 года работает главным редактором пушкинодомского альманаха «Текст и традиция».

Известность пришла к Водолазкину в 2012 году, после выхода его книги «Лавр», «неисторического романа», как жанр произведения определяется на обложке. В центре романа стоит некий отшельник и паломник, который появляется под разными именами: Арсений, Устин, Рукинец, Амвросий и, наконец, Лавр. Действие романа точно так же фрагментарно, как и образ главного героя, который родился в 6948 году от Сотворения мира, то есть в 1440 году от Рождества Христова. Собственно, у героя этого не жизнь, а житие. Вырос

он в Рукине, недалеко от Белозерска (к северу от Вологды). Дедушка посвящает его в тайны травяного дела и траволечения. Он покидает родное село и странствует юродивым по России. Паломником он добирается через Псков, Киев, Вену, Венецию и Яффу до Иерусалима. В конце концов он возвращается в Россию и поселяется отшельником в пещере.

Лейтмотивом через все это житие проходит аскетизм главного героя, который постоянно меняет имя, но никогда свой скудный образ жизни. Ярким контрастом к этому выступает изобилие повествовательных приемов. Роман пестрит многочисленными эпизодами, порой мелодраматическими, порой трагическими или комическими. К тому же Водолазкин постоянно нарушает хронологию рассказа и то и дело заглядывает в будущее. Так, уже в самое начало романа он вкрапливает вереницу чередующихся событий, никакого отношения к сюжетной линии романа не имеющих. При описании избы дедушки героя вставляется следующий хронологический обзор: «В 1495 году здесь была построена церковь в знак благодарности „за благополучный исход 1492 года, семитысячного от Сотворения мира“»¹.

Рассказчик добавляет от себя, что тот факт, что в этом году Христофор Колумб нечаянно открыл Америку, так и остался незамеченным в России. Перечень событий идет дальше так:

В 1609 церковь разрушена поляками. <...> В 1817 году для производства досок лес приобретает купец Козлов. <...> В 1942 году немецкий пилот Хайнрих фон Айнзидель метким попаданием стирает здание с лица земли. В 1947 году участок переоборудуется под военный полигон и передается 7-й Краснознаменной танковой бригаде им. К.Е. Ворошилова. С 1991 земля принадлежит садоводству «Белые ночи»².

Перед нами хронологически упорядоченный рассказ о последовательной профанации священного пространства: церковь воздвигается в знак благодарности за несостоявшийся конец света. Упоминание об Америке, однако, является иро-

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ, 2012. С. 14.

² Там же. С. 14–15.

нической отсылкой к тому, что конец этот все же наступил, его просто не заметили. Ибо в христианско-консервативной системе ценностей Водолазкина это явный намек на якобы пагубную макдональдизацию, надвигающуюся на православную русскую культуру. Перечисление враждебных сил продолжается упоминанием поляков, нацистов и коммунистов и достигает своего кощунственного апогея в профанации священного церковного пространства мелкобуржуазно-капиталистическим садоводством.

На этом примере хорошо видно, как мало занимают Водолазкина традиционные структурные законы построения романа, в котором трансцендентально бесприютный герой пускается по миру и поэзия сердца наталкивается на суровую прозу жизненных обстоятельств. Суть здесь как раз не в психологически правдоподобном характере героя, пытающегося найти свое место в обществе, в государстве и, в конечном счете, в мироздании. Нет, цель Водолазкина заключается в возобновлении старых литературных моделей. Он хочет показать плодотворность средневековых повествовательных форм для русской литературы XXI века.

Мое центральное положение сводится к тому, что у Водолазкина аскетизм главного героя компенсируется изобилием стилистических приемов повествования. Можно даже утверждать, что настоящим героем романа является не набожный протагонист его, а средневековая манера повествования, которая переносится в современную литературу. Водолазкин подчеркивает эту двойственность и в стилистическом плане. В прямой речи своих персонажей он скрещивает древнерусские грамматические формы с современным матом¹. Таким образом, его роман приобретает стилистическую многогранность, которая восходит к средневековому литературному приему, перенесенному в XXI век.

Проследить функционирование этого приема я хотел бы по отношению к трем структурным элементам, каждому из которых на протяжении романа приписывается качество «священное» или «святое»: пространство, время и лицо.

¹ Lunde I. *Language on Display: Writers, Fiction and Linguistic Culture in Post-Soviet Russia*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 148–157.

1. Священное пространство

Топография романа «Лавр» охватывает огромную территорию. При этом Большой мир выступает как сугубо отрицательный фактор, подрывающий связь человека с его малой родиной. Жизненный путь главного героя берет свое начало в Рукине и заканчивается после паломничества в Иерусалим там же. Роман завершается гротескной сценой. После смерти главного героя исполняется его последняя воля: два епископа связывают ноги Лавра веревкой и волокут его тело по траве.

Эту сцену, пожалуй, следует понимать как реализованную метафору. Человек превращается в тот прах, из которого он взят; превращение осуществляется образно в этом заключительном обряде. Описывая этот обряд, Водолазкин прибегает к древнерусским формулировкам:

За Гавриилом идет московский боярин Фрол с женой Агафьей и со чады. <...> Далее боярыня Елизавета, яже прозре; а также раб Божий Николай в здравом уме и трезвой памяти¹.

Чуждость древнерусских элементов смягчается вкраплением устойчивых церковнославянских словосочетаний, традиционно используемых, например, в юридических формулировках. Так в дореволюционном праве завещание обычно начиналось с формулы «В здравом уме и твердой памяти»².

В самой последней сцене романа рамки опять раздвигаются: купец из Данцига, присутствующий при этом обряде, удивляется:

Человек вас исцеляет, посвящает вам всю свою жизнь, вы же его всю жизнь мучаете. А когда он умирает, привязываете ему к ногам веревку и тащите его, и обливаетесь слезами³.

Немецкому купцу вторит в самом конце русский свидетель, который, задумавшись, признается: «Мы, конечно,

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. С. 440.

² Вербловский Г. Завещание // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 12. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1894. С. 111.

³ Водолазкин Е. Г. Лавр. С. 440.

<нашу землю — У.Ш.> тоже не понимаем»¹. Никто из присутствующих не понимает смысл обряда, однако по разным причинам. Купец-немец не понимает Россию, так как он мыслит в категориях труда и вознаграждения. Русский же не понимает родину свою, потому что понимание вообще не является релевантной категорией в его жизни, разворачивающейся в трансцендентной сфере, принципиально открытой потустороннему. Потустороннее же по определению не поддается пониманию, и в силу этого человеческое посюстороннее существование неизбежно остается непознаваемым.

Очень значимо в той короткой реплике, которой заканчивается книга, словечко «конечно». То, что люди не понимают родину свою, вообще не проблематично; наоборот, это само собой разумеется. Более того: если можно было бы понимать родину, то это было бы неопровержимым и весьма тревожным доказательством того, что Россия обособилась от священного пространства потустороннего.

В романе Водолазкина Россия сжимается до размеров села Рукина, где творятся чудеса. Такая священная топография обладает тем преимуществом, что любой населенный пункт в России может стать местом проявления Божественной воли. В конечном счете святость Руси затмевает даже паломничество в Иерусалим.

Весьма характерно, что прибытие в Иерусалим даже не упоминается в романе. Непосредственно под Иерусалимом на группу паломников нападают арабские бандиты. И один из паломников перед смертью видит, как в современном Петербурге золоченый крест устанавливают на шпиль Петропавловского собора².

Таким образом, паломничество в Иерусалим оборачивается путешествием на святую Русь. Но это прозрение открыто не провозглашается автором, а недвусмысленно вытекает из количественного распределения текстовых сегментов.

У Водолазкина повествование о паломничестве на Святую землю делится на две крайне несимметричные части:

¹ Там же. С. 441.

² Там же. С. 351.

путешествие в Иерусалим занимает 130 из 440 страниц романа, возвращению же домой посвящено одно-единственное предложение: «Принято считать, что на Русь Арсений вернулся в середине восьмидесятых годов»¹. В этом предложении образцово выражена непрерывность русского странства, охватывающего неисчислимое количество посещаемых героем мест.

2. Священное время

Водолазкина как литературоведа занимает в первую очередь изображение времени в литературе. Его интересуют проблемы историографии. В одном интервью он заявил:

В древней России <...> история являлась в большей степени божеством. Она исследовала, как воплощается Божественный замысел в отношении человечества. Естественно, при таком взгляде на историю на передний план выходил нравственный аспект, поэтому в древнерусской истории можно найти такие вещи, которые современный историк никогда бы не считал историческими фактами².

При этом средневековые летописи не уступают современным историческим работам. Наоборот: Водолазкин считает, что средневековая историография существенно помогает разобраться в современности: «Я много лет занимался средневековыми хронографами. Для понимания современных событий я нахожу там подчас больше материала, чем в газетах»³.

Водолазкин всячески подчеркивает современность русского Средневековья и указывает на некоторые аспекты, по которым русская культура даже опередила западную:

В свое время меня удивило, что читавшиеся мной на Западе лекции о древнерусской культуре нередко превращались в сеанс демифологизации. С неподдельным интересом аудитория, убежденная

¹ Водолазкин Е. Г. Лавр. С. 355.

² Водолазкин Е. Г. Соловьев и Ларионов, вопросы к тексту // Водолазкин Е. Г. Инструмент языка: О людях и словах. М.: Астрель, 2012. С. 332.

³ Там же. С. 334.

в особой мрачности русского Средневековья, узнала о Новгородской «демократической республике», о том, что древнерусская женщина, в отличие от западной, была субъектом права, о том, что у нас, оказывается, не было инквизиции. Слушатели открывали для себя, что Иван Грозный — именно «грозный», а не «ужасный» (*Ivan the Terrible, Ivan der Schreckliche*). Объясняя, почему Грозный — не Дракула, я пытался дать им понять, что при всех Ивановых злодействах он — фигура трагическая и глубокая. Это — Шекспир, а не Дисней.

Проблема «русских мифов» была подробно рассмотрена в книге В. Р. Мединского «О русском пьянстве, лени и жестокости». Стил ь этой книги мне не близок, но появление ее кажется симптоматичным. Общество — в лице, между прочим, депутата ГД — проблеме начинает осознавать¹.

Водолазкин выделяет прежде всего один отличительный признак средневековой историографии: она не знает причинно-следственных связей. Современная историография набрасывается на отдельные факты, в то время как в Средние века первичной единицей повествования являлся определенный временной отрезок (царствование, год и т. п.). Эта единица определяла временные рамки, внутри которых отдельные, не связанные между собой события стоят рядом. И события сами по себе воспринимались средневековыми летописцами по-другому и толковались прежде всего под углом трансцендентного их измерения.

Связь между русским летописанием и универсальной историей спасения не является временной².

Летописное повествование всегда подчинено библейскому рассказу³.

И летописи вмещают в себя и пророчества о будущем⁴.

¹ Водолазкин Е. Г. Мы между реальностью и мифом // Водолазкин Е. Г. Инструмент языка: О людях и словах. М.: Астрель, 2012. С. 318–319.

² Vodolazkin E. G. La storiografia della slava ortodossa // Lo spazio letterario del Medioevo. 3. Le culture circostanti. Vol. III: Le culture slave. A cura di M. Capaldo. Roma: Salerno, 2006. P. 306.

³ Ibid. P. 313.

⁴ Ibid. P. 311.

Для современной историографии каждое событие, которое оказывает то или иное влияние на общество, достойно внимания, тогда как для средневекового летописца нравственное измерение события имело решающее значение. Поэтому и нет развития как такового в средневековых летописях.

В силу этого рассказчик никогда не поднимается выше того мира, о котором он рассказывает. Если из непрерываемого потока событий случайно выплывают те или иные отдельные события, записанные летописцем, то тот не имеет никакого права судить о рассказываемых им фактах¹. На это Водолазкин и намекает в предисловии к роману, когда говорит о главном герое: «сам он не всегда понимал, какое время следует считать настоящим»². Эта игра слов поясняет, что из подобной игры на разных временных уровнях со взаимным отражением исторических событий неизбежно возникает историческая теория относительности. Является ли настоящее время настоящим? Или следует считать настоящим рассказываемое прошедшее время?

Водолазкин выделяет принцип прорицаний и знамений в истории, который придает даже случайным происшествиям определенный смысл³. Таким образом он как бы очищает историю от всех случайностей. Путем умножения временных уровней достигается изобилие исторических событий в мировом масштабе. Все, что происходит, происходит сразу на нескольких временных уровнях. Точно так же, как это было с топографией, взаимосвязь священного и мирского времени невозможно понять непосредственно. И точно так же, как в случае с топографией, этого непонимания не следует бояться. Понимать время как таковое нет никакой необходимости, понимать нужно только то, что происходит в определенный временной отрезок. А происходящее, с средневековой точки зрения, обусловлено не причинно-следственными

¹ *Vodolazkin E. G.* La storiografia della slava ortodossa. P. 289ff.

² Водолазкин Е. Г. Лавр. С. 10.

³ Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). München: Otto Sagner, 2000. С. 39.

связями, а представляет собой параллелизм аналогичных ситуаций на разных временных уровнях. Главной матрицей служит, конечно, всегда библейская история спасения, проявления которой так или иначе прослеживаются в истории человечества.

3. Святое лицо

Роль отдельного человека в истории — одна из центральных тем в русской литературе. В «Войне и мире» Толстой задавал вопрос, может ли отдельный человек влиять на ход исторических событий. Для этого он выбрал себе, пожалуй, самый трудный пример, а именно Наполеона, где сложнее всего доказать отсутствие подобного влияния. Как известно, Толстой пришел к выводу, что история является мощным потоком, уносящим и сокрушающим любую человеческую жизнь, в том числе и жизнь великого полководца.

Водолазкин добавляет к этим двум вариантам еще и третий: у него исторический процесс не наделен ни линейностью, ни необратимостью и вообще отделяется от концепции прогресса. История в его изображении не является бесповоротным процессом, она скорее протекает сразу на нескольких уровнях и представляет собой не столько действующую силу, сколько своеобразного посредника.

Такая установка имеет важные последствия для изображения личности в средневековых текстах:

Действующие лица не обладают индивидуальным характером. Они и лишены возможности активно строить свою биографию, следуя собственной воле. Они скорее представляют собой механическую сумму predetermined действий, обусловленных различными жизненными ситуациями¹.

Их биографии не отличаются непрерывностью. Ибо их жизнь принадлежит не индивидуальному лицу, а Богу. Поэтому даже то, что произошло с определенным святым, за просто можно приписать и другому. В статье, обсуждающей

¹ Vodolazkin E. G. Storiografia. P. 314.

актуальность средневековых литературных приемов для современности, Водолазкин утверждает:

Точно так же агиографы включают в свои тексты фрагменты из житий других святых. Чаще всего подобные фрагменты заимствовались из житий святых с одинаковым именем. Так, некоторые части в житии святого Кирилла Новоезерского содержат фрагменты текста из жития Кирилла Белозерского. Подобные заимствования современному сознанию могут казаться преступными. Как можно дополнить биографию одного человека фрагментами из биографии другого? Средневековый человек смотрел на это по-другому. Если у двух святых одно и то же имя — а имена ведь не бывают случайными! — почему тогда их судьбы не могут быть похожими друг на друга? И почему не воспользоваться одним для того, чтобы осветить другого?¹

Но если в собственную жизнь запросто вставляются элементы из чужих биографий, тогда и свобода воли оказывается иллюзией. В результате люди в средневековых текстах лишены возможности непосредственного общения друг с другом, так как Бог в качестве третьего неизменно присутствует. Божественное провидение предопределяет все индивидуальные чувства людей и даже их непосредственные поступки. Водолазкин приводит следующий пример:

Иван ругает Петра. Обидевшись, Петр ударяет Ивана. Здесь все кажется ясным с точки зрения современной концепции причинно-следственных связей. Средневековый человек смотрел бы на это по-другому, а именно: обижая Петра, Иван оскорбил Бога, поэтому Бог наказал Ивана рукою Петра. В современной интерпретации этого инцидента все связи произвольны и горизонтальны, но в средневековом понимании они предопределены и вертикальны².

В романе «Лавр» непрерывность личности максимально подорвана: и в тексте Водолазкина неоднократно наблюдается соединение биографий двух лиц в одну. После смерти итальянца Амброджио главный герой принимает его имя

¹ *Vodolazkin E. G. The New Middle Ages // First Things. 2016. № 8–9. P. 32.*

² *Ibid. P. 33.*

и становится Амвросием. Это видоизменение не ограничивается юридической сменой имени, а означает слияние двух биографий. То, что пережил Амброджио, становится прошлым Амвросия. При этом суть не в психологическом становлении под влиянием пережитого, а в нравственно правильном поведении в трудных ситуациях. Этому правильному поведению нельзя научиться, оно существует само по себе, его следует лишь распознать и стойко превратить в жизнь. Кто ведет себя таким образом, присваивает себе личность праведника, которая, как показывает концовка романа, даже может быть запечатлена в священном пространстве — в могиле.

Еще одно слияние бросается в глаза при сравнении главного героя Водолазкина с его реальным прототипом. В филологическом исследовании рукописей Кирилло-Белозерского монастыря Водолазкин удалось установить двух разных писцов: Евросиния и Рукинца¹. В романе оба этих писца объединены в фигуре Арсения, которого ведь зовут и Амвросий, и Рукинец. Сам Арсений в конце романа тоже становится монастырским писцом и в качестве такового сочиняет те самые тексты, которые легли в основу его собственного литературного бытия.

4. Заключение

«Лавр» — это современный роман, построенный по законам поэтики средневековой историографии. Но тут надо сделать важную оговорку. «Лавра» ни в коем случае не следует считать просто искуснейшим филологическим этюдом, наподобие романа Умберто Эко «Имя розы».

Ибо у Водолазкина гораздо более серьезные намерения: он хочет представить средневековое мировосприятие в качестве положительной модели для будущего, долженствующей прийти на смену безбожно-рационалистическому мировоззрению XX века.

¹ Водолазкин Е. Г. Из истории кирилло-белозерских палей // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря / Отв. ред. Н. В. Поньрко, С. А. Семячко. СПб.: Пушкинский дом, 2014. С. 286–309.

Само слияние прошлого с будущим является средневековым приемом, который Водолазкин описывал в качестве литературоведа. То, что было, указывает на то, что будет. Таким образом, когда будущее превращается в настоящее, прошлое неизбежно присутствует при этом. Эта циклическая модель времени, которая четко противопоставляется западному, позитивистскому принципу прогресса, основана на представлении, что все новое является уже давно знакомым или, по крайней мере, прорекаемым¹.

Водолазкин стремится к упразднению категории слушающей. Его новый средневековый мир должен быть целиком осмыслен. Или же, пользуясь терминами из названия данного сборника: изобилие мест, временных уровней и человеческих биографий призвано пропитать аскезу индивидуальной жизни религиозным смыслом.

Водолазкин определил эту всеобщую осмысленность всего сущего следующим образом:

Таким образом, в процесс семиозиса были вовлечены не только описания событий, связанных со священной историей: в конечном счете, нет на свете вещей, которые не подлежали бы символическому осмыслению².

Против этого можно, конечно, возразить, что в нашем современном мире больше нет святых, которые могли бы служить сосредоточием подобной религиозной энергии. На такое возражение Водолазкин ответил бы, что все зависит только от правильного восприятия. Сам он во всяком случае нашел своего святого. Это Д. С. Лихачев, житие которого Водолазкин и написал. Текст этот носит характерное название «Эпоха Лихачева». В нем ученый изображен не как индивидуальное лицо, а представлен в качестве выдающегося человека, который попал из иного времени в XX век. Лихачев не обладает индивидуальной, обусловленной случайностями

¹ Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси. С. 39–43.

² Водолазкин Е. Г. К вопросу о знаке и значении в древнерусской книжности // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 59. Festschrift für I. P. Smirnov zum 65. Geburtstag / Hg. S. K. Frank, Sch. Schahadat. München: Otto Sagner, 2007. С. 411.

биографией, а описывается с помощью знаковой системы Средних веков: «Эпоха Лихачева — это и Древняя Русь, о которой он знал не меньше, чем о своем собственном времени. Он и писал о ней как о чем-то личном»¹.

Руководитель отдела древнерусской литературы «создавал атмосферу храма» в Пушкинском Доме². Кто занимается средневековой литературой, тот неизбежно попадает внутрь знаковой системы Средних веков. Поэтому неудивительно, что Водолазкин выпустил коллективную агиографию Лихачева, в которую вошли воспоминания современников, коллег и учеников Дмитрия Сергеевича. И фотографии в этом томе являются не столько иллюстрациями того или иного момента в биографии ученого, сколько выполняют функцию православных икон. В итоге Водолазкин как изограф полностью исчезает за внушительным образом святого, в изображении которого и заключается главная цель³.

В программе «Линия жизни» от 20 мая 2017 года Водолазкин уделял Д. С. Лихачеву много времени. Русское Средневековье представлялось всем сотрудникам Отдела древнерусской литературы как благополучный «остров», который возвысился над серой советской действительностью. Водолазкин описывает Лихачева как современного инока, который «пытался жить так, как будто власти нет». Он указывает на то, что Дмитрий Сергеевич помогал нуждающимся, как только мог. Так, он заказал И. Бродскому переводы из Джона Донна как доказательство того, что Бродский не тунеядствует. Более того, Лихачев отказался подписать открытое письмо ученых против Андрея Сахарова. После этого отказа двое неизвестных напали на Лихачева и избили так жестоко, что сломали ему два ребра. Получив Государственную премию, Лихачев раздал эти деньги аспирантам. Все эти благодеяния произошли негласно. Лихачев никогда не хвастался своими поступками и действовал тайно. Подводя

¹ Водолазкин Е. Г. Эпоха Лихачева // Водолазкин Е. Г. Инструмент языка: О людях и словах. М.: Астрель, 2012. С. 141.

² Там же. С. 155.

³ Дмитрий Лихачев и его эпоха: Воспоминания. Эссе. Документы. Фотографии. СПб.: Logos, 2002.

итоги, Водолазкин называет Лихачева чуть ли не чудотворцем: «Дмитрий Сергеевич был волшебником, который мог творить такие большие и малые удивительные вещи»¹.

Русское Средневековье не только является альтернативной моделью для советской действительности. Как известно, Водолазкин сетует на всеобщую рационализацию современной жизни в России по западному образцу. В беседе на радиостанции «Эхо Москвы» от 12 марта 2017 года он говорил о новом ценностном консенсусе в российском обществе². В настоящее время, по мнению Водолазкина, создается новое священное пространство — путинская Россия. В программном выступлении в 2016 году, отсылающем читателя к знаменитому бердяевскому эссе 1924 года, Водолазкин пропагандирует нынешнюю «консервативную революцию» в России в качестве культурной модели для всей духовно обновленной Европы. Сегодня западные общества находятся в плену у разного рода меньшинств, которые претензиями и требованиями по защите своих прав разрушили религиозную основу жизни. Поэтому на Западе право на самоубийство является последним выражением культурной практики прав человека, обернувшейся в конечном счете против самого человека. О России же Водолазкин говорит:

Если Запад способен отвлечься от своих геополитических разногласий с Россией и пристально всмотрится в тот консервативный проект, который ныне осуществляется в России, тогда он увидит возможное будущее для общей нашей европейской цивилизации³.

Российский консервативный проект для Водолазкина привлекателен тем, что он вырос из древнерусской культуры. А средневековая письменность является образцом «гармоничной и самодостаточной культурной системы». В современной русской литературе, в том числе и в своих собственных текстах, Водолазкин распознает много признаков средневековой литературы. Он указывает на фрагментарность текстов,

¹ <tvkultura.ru/video/show/brand_id/20872/episode_id/1463448/video_id/1585549/>. За указание на эту передачу я благодарю Райнера Гольдта.

² <<https://echo.msk.ru/programs/beseda/1944810-echo/>>.

³ *Vodolazkin E. G. The New Middle Ages*. P. 36.

которые колеблются между принципами дробления и объединения. В Средневековье центральный текст Священного Писания гарантировал действительность всех других текстов. Сегодня интернет потенциально связывает все тексты между собой и спасает их от той изолированности, которая началась с изобретения книгопечатания и достигла предела в эпоху модернизма. Другой признак, роднящий современность с древнерусской письменностью, заключается в размывании границ между «фикшеном» и «нон-фикшеном». В Средние века и сегодня реальность предстает как текст, поддающийся чтению и нуждающийся в интерпретации. Водолазкин указывает и на возросшую популярность биографического жанра, который эксплицитно связывает жизнь с литературой¹.

Таким образом, многогранность и изобилие современных текстов отражает средневековую литературную систему, которая также была открыта, но имела при этом четко определенный центр — православное богословие. Для Водолазкина такая дискурсивная стабильность культуры весьма привлекательна. Новым центром такой культуры является для него нравственное самосовершенствование человека. Следуя за Лихачевым, он отвергает мятежное или даже революционное отношение к существующему политическому строю: «Поэтому, мне кажется, самая правильная позиция — блюсти себя и следить за собой. Это лучшая помощь обществу и государству»².

¹ Водолазкин Е. Г. О средневековой письменности и о современной литературе // Текст и традиция: Альманах. Вып. 1. СПб.: Росток, 2013. С. 37–55.

² <evgenyvodolazkin.ru/156_evgenij-vodolazkin-o-demokratii/>.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Йенс Херльт, Кристиан Цендер</i> Изобилие и аскезы в русской литературе: идеи и практики (приближение к теме)	5
<i>Михаил Эпштейн</i> О типах аскезы в русской литературе	22
<i>Оге А. Ханзен-Лёве</i> Съедение книг и языковой пост от Гоголя до Хармса . .	47
<i>Кристиан Цендер</i> Безотчетный пост: повествовательная оценка аскезы в русской прозе XIX и XX веков	76
<i>Анатолий Корчинский</i> «Жертва — сапоги всмятку»: этическая экономика в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?»	103
<i>Райнер Гольдт</i> Аскетизм как трансцендентальная форма заботы о себе у К. Н. Леонтьева	122
<i>Кирилл Анисимов</i> Легкость и полет: нарративный диалог И. Бунина с Л. Толстым о душе и теле	146
<i>Йенс Херльт</i> Прекрасная нищета и безбожное изобилие: экономика Мандельштама	172
<i>Анастасия Абдельмалик</i> Модель аскезы в системе мыслей Б. Поплавского и ее воспроизведение в романе «Аполлон Безобразов» .	200

<i>Жан-Филипп Жаккар</i>	
«О голом человеке»: нагота как форма аскезы	224
<i>Илья Кукуй</i>	
«Уважай нищие мысли»: поэтический аскетизм Александра Введенского	239
<i>Дирк Уффельманн</i>	
Рабочая аскеза в исправительно-трудовом лагере? Мирской подвиг Ивана Денисовича	255
<i>Наталья Ковтун</i>	
«Этическая эстетика» аскетизма в модели мира современного русского традиционализма	273
<i>Эманюэль Ландольт</i>	
Аскетический стиль в московском концептуализме	306
<i>Марша А. Моррис</i>	
Аскеза на фоне изобилия: Борис Акунин и «Приключения Пелагии»	323
<i>Корнелия Ичин</i>	
«Лошадиный суп» Владимира Сорокина: от изобилия к аскезе	338
<i>Ульрих Шмид</i>	
Жизненная аскеза и стилистическое изобилие: «Лавр» Евгения Водолазкина	353
Об авторах	368